

Научная статья

УДК 343.1

ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНОЕ ПРАВО: ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ УПРАВЛЯЕМОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Райханов Р.Ж.

ORCID 0009 0006 6242 5575

Генеральная прокуратура Республики Казахстан,
г. Астана, Республика Казахстан

Аннотация. В настоящей статье описываются процессы, связанные с формированием высокотехнологичного права в условиях цифровизации, расширением границ применения цифровых технологий и искусственного интеллекта. Описывая происходящие динамичные процессы, автор исследования отмечает как перспективы развития высокотехнологичного права в целом, так и ключевое значение нормативного регулирования с позиции доктринального сдвига, определения цифровой субъектности, процедурных гарантий, контроля и защиты прав, свобод и законных интересов участников таких правоотношений в частности

Ключевые слова: цифровые технологии, искусственный интеллект, правовое регулирование, гарантии, контроль, защита, ответственность.

HIGH-TECH LAW: LEGAL MECHANISMS FOR MANAGED TRANSFORMATION

Raikhanov R. Zh.

ORCID 0009 0006 6242 5575

Prosecutor General's office of the Republic of Kazakhstan,
Astana city, Republic of Kazakhstan

Abstract. This article describes the processes associated with the formation of high-tech law in the context of digitalization, the expansion of the boundaries of the use of digital technologies and artificial intelligence. Describing the dynamic processes taking place, the author of the study notes both the prospects for the development of high-tech law in general and the key importance of regulatory regulation from the perspective of a doctrinal shift, the definition of digital subjectivity, procedural guarantees, control and protection of the rights, freedoms and legitimate interests of participants in such legal relations in particular.

© Р.Ж. Райханов, 2026

Keywords: *digital technologies, artificial intelligence, legal regulation, guarantees, control, protection, responsibility.*

В условиях развития цифровых технологий в общественной среде возникает потребность нормативного регулирования происходящих процессов для обеспечения соблюдения и защиты прав, свобод и законных интересов граждан.

Правовая неопределенность и низкий уровень правовой культуры создают условия для стагнации, роста преступности, нарушения конституционных прав граждан на личную жизнь, собственность, свободу слова и так далее.

В целях предупреждения наступления таких негативных явлений в научном сообществе ведутся различные дискуссии относительно самостоятельной отрасли права, так называемого «высокотехнологичного права».

Плюрализм мнений по вопросу раскрытия содержания дефиниции «высокотехнологичное право» определяет различные векторы, которые подлежат учету при разрешении вопроса такого нормативного регулирования.

С позиции объективности, содержательности и актуальности, по моему мнению, заслуживает внимания определение указанной категории, сформированное Л. В. Бертовским: «высокотехнологичное право – это логистичный, наукоемкий и технологичный регулятор общественных отношений, который, с одной стороны, использует высокие технологии в процессе правоприменения, а с другой – регламентирует возникающие с ними отношения» [1; с. 742].

С доктринальной точки зрения, высокотехнологичное право фиксирует переход от регулирования технических средств к регулированию

организационных моделей их внедрения и эксплуатации, с акцентом на процедурные гарантии и подотчетность. В этой логике предметом анализа становится не столько технология как артефакт, сколько социальная организация ее применения: цели и пределы использования, распределение компетенций, стандарты контроля, механизмы ответственности и доступность эффективной правовой защиты.

Рассматривая исследуемый вопрос в глобальном контексте, полагаю возможным отметить несколько взаимосвязанных трендов.

Первый тренд – это конституционализация цифровой проблематики, когда защита прав человека в цифровой среде и требования к прозрачности решений становятся элементом публичного правопорядка.

Второй тренд состоит в институционализации ответственности за жизненный цикл систем искусственного интеллекта, включая алгоритмические и автоматизированные системы принятия решений – от этапов проектирования и формирования наборов данных до эксплуатации, мониторинга и контроля качества.

При этом следует обратить внимание на то, что системы искусственного интеллекта, включая алгоритмические и автоматизированные системы принятия решений, представляют собой цифровые решения, которые на основе данных выполняют анализ, классификацию, прогнозирование и ранжирование, формируя рекомендации либо результаты, используемые как управленческие и юридически значимые решения.

В отличие от обычных информационных систем, они не только фиксируют и передают сведения, но и производят оценочные выводы, способные влиять на права и законные интересы граждан.

В этой связи, при применении систем искусственного интеллекта ключевое значение приобретают процедурные гарантии, обеспечение

человеческого контроля, прозрачность критериев и наличие эффективного механизма пересмотра.

Третий тренд – это процедуризация прав, когда ключевыми становятся не только материальные запреты, но и гарантии пересмотра, мотивирования, доступа к обжалованию и понятных стандартов доказательности.

Казахстан в текущий период демонстрирует переход к системной модели регулирования, что имеет важное значение с позиции доктринального сдвига, а не набора разрозненных цифровых новаций.

Проект новой Конституции прямо усиливает человекоцентричность, закрепляет права и свободы человека в качестве смыслового стержня, и одновременно впервые формулирует развитие человеческого капитала, науки, образования и инноваций как стратегическое направление деятельности государства, а также фиксирует необходимость защиты прав граждан в цифровой среде. Это означает, что цифровая трансформация и искусственный интеллект рассматриваются не автономно, а внутри конституционной рамки приоритета прав человека и конкурентоспособности через знания и инновации [2].

В свою очередь, на уровне отраслевого законодательства также происходит важная институциональная фиксация.

Закон об искусственном интеллекте задает принципы функционирования систем искусственного интеллекта и, что концептуально важно, определяет их в качестве объекта информатизации, то есть вводит искусственный интеллект в правовой порядок как инструмент достижения человеком определенных задач. В этом же контуре закрепляется принцип ответственности и подконтрольности, при котором собственники, владельцы и пользователи несут ответственность соразмерно своей роли в эксплуатации

систем искусственного интеллекта, включая обязанности по управлению рисками, обеспечению безопасности и надежности [3].

Наряду с вышеуказанными актами, в Республике Казахстан подписан Цифровой кодекс. Данный нормативный правовой акт вводится в действие после предусмотренного переходного периода, тем самым создавая окно для институциональной и кадровой настройки системы [4].

По моему мнению, на уровне кодифицированного акта принципиально важно закрепление цифровых прав, включая право на удаление, анонимизацию и ограничение обработки персональных данных, а также права субъектов цифровой среды при использовании алгоритмических систем и полностью автоматизированных решений.

Такой подход институционализирует не только цифровые сервисы, но и цифровую субъектность, включая процедурные гарантии, которые в современных правовых порядках становятся основной формой защиты в условиях алгоритмизации.

Исходя из содержания вышеизложенного, полагаю возможным обратить внимание на ключевой доктринальный тезис о правовой квалификации искусственного интеллекта.

Искусственный интеллект не следует редуцировать к разновидности программного обеспечения и набору процессов, поскольку его социальные эффекты определяются данными, контекстом применения, организационными регламентами и архитектурой принятия решений. Но и признавать искусственный интеллект самостоятельным участником правоотношений преждевременно.

Полагаю, что более корректным представляется рассмотрение искусственного интеллекта как социотехнического инструмента повышенной сложности и потенциального вреда, встроенного в систему распределенной

человеческой ответственности. Именно поэтому правовое регулирование должно описывать контур полномочий, процедур и контроля, а не метафизику субъектности.

Особое место в данном контексте занимает управление данными.

В условиях цифрового государства риск заключается не только в ошибках моделей, но и в ползучем расширении использования наборов данных, когда сведения, собранные под одну цель, начинают постепенно применяться под другие цели без нового правового основания, без пересмотра соразмерности и без адекватного уведомления и контроля.

В этом контексте фильтры правомерности обработки данных должны проверять правовые основания, законность источников, соответствие целей, репрезентативность и запрет скрытого расширения функций. Это непосредственно связано с доверием к государственным цифровым сервисам и с реальной исполнимостью цифровых прав, а не только с их декларативным провозглашением.

Наряду с вышеизложенным, возникает институциональный вопрос контроля и надзора.

Как представитель правоохранительной сферы, считаю перспективной идею Л. В. Бертовского о целесообразности введения в системе органов прокуратуры специального надзора за соблюдением законодательства при внедрении и использовании систем искусственного интеллекта. Его смысл заключается в проверке процедурной законности и гарантий, правовых оснований работы с данными и обмена, наличия человеческого контроля и механизма жалоб, соответствия технических характеристик заявленным целям, соблюдения требований информационной безопасности и фактического исполнения судебных актов по оспариванию автоматизированных решений.

Отмечая перспективы развития высокотехнологичного права, полагаю возможным выделить следующие горизонты развития.

Первый горизонт – это усиление человекоцентричной конституционной рамки цифровизации, включая защиту прав в цифровой среде и приоритет науки, образования и инноваций.

Второй горизонт – это переход к системной кодификации цифровых прав и процедурных гарантий, где право на пересмотр алгоритмических решений и требования подотчетности становятся стандартом правовой защиты.

Третий горизонт – это институционализация контроля через аудит, надзор и судебную проверку, включая предотвращение ползучего расширения данных и обеспечение измеримой ответственности за жизненный цикл систем искусственного интеллекта.

Комплексный подход по разрешению вышеуказанных вопросов задает доктринальную основу высокотехнологичного права в контексте права управляемой цифровой трансформации.

Библиография

1. Бертовский Л. В. Высокотехнологичное право: понятие, генезис и перспективы // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2021. Т. 25. № 4. С. 735-749. DOI: [10.22363/2313-2337-2021-25-4-735-749](https://doi.org/10.22363/2313-2337-2021-25-4-735-749).
2. Опубликован проект новой Конституции Республики Казахстан // Единая платформа интернет-ресурсов государственных органов. Конституционный Суд Республики Казахстан. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/ksrk/press/news/details/1152063?lang=ru>.
3. Закон Республики Казахстан «Об искусственном интеллекте» от 17 ноября 2025 года № 230-VIII // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2500000230>.
4. Цифровой кодекс Республики Казахстан от 9 января 2026 года № 255-VIII ЗРК // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2600000255>.

References

1. Bertovsky L. V. High-tech law: concept, genesis and prospects. *Bulletin of the RUDN University. Series: Legal Sciences*. 2021; 25 (4): 735-749. (In Russ.).
2. The draft of the new Constitution of the Republic of Kazakhstan has been published. *Unified platform of Internet resources of government agencies. The Constitutional Court of the Republic of Kazakhstan*. Available at: <https://www.gov.kz/memleket/entities/ksrk/press/news/details/1152063?lang=ru>.
3. The Law of the Republic of Kazakhstan "On Artificial Intelligence" dated November 17, 2025, № 230-VIII. *Information and legal system of regulatory legal acts of the Republic of Kazakhstan*. Available at: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2500000230>.
4. Digital Code of the Republic of Kazakhstan dated January 9, 2026, № 255-VIII ЗПК. *Information and legal system of regulatory legal acts of the Republic of Kazakhstan*. Available at: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2600000255>.

Информация об авторе

Райханов Руслан Жоламанович, заместитель начальника Службы международно - правового сотрудничества, Генеральная прокуратура Республики Казахстан, г. Астана, Республика Казахстан, email: rus313@mail.ru

Information about the author

Raikhanov Ruslan Zholamanovich, Deputy Head of the International Legal Cooperation Service, Prosecutor's General Office of the Republic of Kazakhstan, Astana, Republic of Kazakhstan, email: rus313@mail.ru

Для цитирования

Райханов Р. Ж. Высокотехнологичное право: правовые механизмы управляемой трансформации // Журнал Высокотехнологичное право. – 2026. Т. 2, № 2. – С. 126-133

For citation

Raikhanov R. Zh. High-Tech Law: Legal Mechanisms for Managed Transformation // Journal of High-tech Law. – 2026. Vol. 2, No. 2. – Pp. 126-133.

Поступила в редакцию / Received 03.03.20226

Поступила после рецензирования / Received after review 15.04.2026

Принята к публикации / Accepted 14.05.2026